А.С.Елеонская

СКАЗАНИЕ О КРЕЩЕНИИ РУСИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАБОТКАХ XVII — начала XVIII века

Летописный рассказ о крещении Руси и его главный герой сразу же привлекли к себе внимание русских книжников. При этом, как отмечал М.И.Сухомлинов, литература всех видов — житийная, летописная, народная,— изображая "равноапостольный подвиг св. князя", останавливалась на Владимире и как на политическом деятеле, которого "вся страны бояхуся", и как на человеке, добродетели и слабости которого "были так понятны и близки древнерусскому человеку"[1].

Н.И.Серебрянский не сомневался, что еще в XI в. была составлена "Память и похвала" Владимиру мниха Иакова[2]. В XIII в., когда Владимир был канонизирован, появилось его проложное житие, известное в результате дальнейших обработок в нескольких редакциях, в том числе XVII в.[3]

Появились и распространенные княжеские биографии, число которых особенно возросло в XV-XVI вв., также в разных редакциях и многочисленных списках. Как отмечал В.Н.Перетц, "разнообразие обработок указывает на то, что люди названной эпохи живо интересовались князем Владимиром и соединяли с его житием какие-то современные им интересы"[4].

Сюжет о крещении Руси и князе Владимире продолжает активно функционировать и в XVII — начале XVIII в., преследуя при этом, как и раньше, публицистические цели, вместе с тем вовлекаясь в литературный процесс переходного периода с такими характерными для него тенденциями, как обмирщение литературы, ее демократизации, сближение с Западом, выработка нового художественного стиля. Необходимо отметить, что в это время значительно расширяется круг литературных жанров, интерпретирующих данный сюжет: послания, полемические трактаты, предисловия и послесловия, историографические сочинения, ораторские "слова", школьная драма.

Публицистические возможности сказания чутко уловили, например, русские, украинские и белорусские полемисты, обратившиеся к нему в начале XVII в., когда в России и в украинских и белорусских землях возникли остро конфликтные ситуации.

В период борьбы с самозванцем Лжедмитрием и польскими войсками в Русском государстве становится злободневным рас-

сказ о выборе Владимиром веры. Так, Авраамий Палицын вспоминает о крещении Руси, чтобы обличать современное ему католичество, а заодно — и лютеранство. По его мнению, с этим "змием всепагубным, возгнездившимся в костеле италийском", успешно боролись и князь Владимир, "крестивший русскую землю", и его потомки, в частности, Александр Невский. Тщетны были попытки папства склонить на сторону "римлян" и царя Ивана Васильевича.

Обвиняя в кощунстве русских сторонников самозванца ("бысть же тогда разорение святым божиим церквам от самех правоверных"), автор использует один из мотивов сказания о Владимире, разорявшем "капища идольские", однако подчеркивает, что тогда это было "на славу божию", теперь же разорение церквей — "на утеху бессы с люторы"[5].

О выборе Владимиром веры единственно благочестивой, пишет Иван Хворостинин в "Словесах дней и царей и святителей московских, еже есть в России": благодаря мудрому решению киевского князя ("второго Павла", "сына света") Русская земля "благочестием всех преодоле"[6].

По аналогии с характеристикой Владимира, "страдальца за православную всю землю Русскую", дана характеристика князя и царя (1606-1610) Василия Шуйского в "Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича", "Ином сказании", "Повести о некоей брани". В Смутное время активно используется в публицистических целях и легенда о происхождении Владимира от римского императора Августа-Кесаря, на время которого падает пришествие Христа, который таким образом как бы издревле благословил Русскую землю.

В это же время в Речи Посполитой на украинских и белорусских землях после принятия Брестской унии в 1596 г. становится ожесточенным предметом полемики между католиками и греко-католиками (униатами) с одной стороны и православными с другой, сама концепция приобщения Руси к христианству. Согласно русской версии, христианизация Руси проходила пять этапов: 1) благословение гор киевских апостолом Андреем; 2) проповедь Кирилла и Мефодия; 3) приход греческого епископа Михаила и испытание веры огнем; 4) крещение княгини Ольги; 5) крещение Владимира и Руси в целом.

С ревизией этой схемы выступил греко-католический полемист Лев Кревза в книге "Оборона унии" (1617). В главе под названием "О том, как Русь крестилась" имеется прежде всего фигура умолчания: Кревза не упоминает ни апостола Андрея, ни княгини Ольги, ни даже самого Владимира. Он выделяет лишь сюжет о Кирилле и Мефодии, которых и считает истинными крестителями Руси, подчеркивая, однако, при этом, что "ученики славенские" для выполнения своей миссии были направлены к славянам не греческим патриархом, а римским папой[7].

Такой же характер имеет и книга выдающегося польского проповедника Петра Скарги "О единстве церкви божией", написанная несколько ранее, где утверждается, что русские приняли греческую веру по своей наивности, так как были "просты и грубы" и не сумели отличить истинную красоту от мнимой[8].

Традиционную для русских писателей схему рассказа о крещении защищает сторонник православия украинский писатель Захарий Копыстенский в книге "Палинодия" (1621-1622). Он называет "дивным и чудным делом" приход апостола Андрея и его предсказание о построении Киева, откуда бог "просветит святым крещением всю землю Русскую". Особое внимание уделено Владимиру, поставленному, "як бы на якой высокой горе" и видящему в нее все веры. Что касается отказа князя от католичества, то Захарий Копыстенский язвительно замечает: будь в костеле латинском праведная вера, Владимир принял бы ее: имелись тогда для "папежских легатов" и "оказия", и "пляц трибунам", и "сейм", но "не дал... бог того"[9].

Формируя общественное мнение читателей XVII в., рассказ о крещении Руси и сам испытал влияние новых литературных вкусов. Наглядным примером могут служить торжественные проповеди о Владимире, эстетически связанные с теоретическими положениями трактата украинского писателя Иоанникия Галятовского "Наука, албо способ зложения казаня" (1659), где дано обоснование стиля барокко применительно к красноречию.

Для проповедников этого направления характерна установка на усложненность произведения, структура которого, согласно определению белорусского и русского поэта и проповедника Симеона Полоцкого, подобна искусно сплетенной сети[10]. Символико-метафорический стиль, экспрессивность тона, включение в текст примеров из истории, географии, естественно-научных знаний, а также обращение в целях доходчивости к житейским ситуациям — характерные черты проповеди конца XVII — начала XVIII в., которые отразились и в "словах", посвященных князю Владимиру.

Остановимся на трех одноименных произведениях на данную тему, написанных Антонием Радивиловским, Симеоном Полоцким и Феофаном Прокоповичем. Первые два относятся к середине 70-х гг., слово Феофана Прокоповича создано в 1703 г. Написанные в русле одного направления, эти три произведения несут на себе вместе с тем черты индивидуального стиля.

Для украинского проповедника Антония Радивиловского характерно широкое привлечение "постороннего материала", совмещение христианской и античной мифологии. Так, чтобы прославить Владимира за принятие христианства, он использует эпизод из "Истории о жизни Александра Македонского" и рассказывает, что Александр увидел однажды в завоеванном им краю деревья, которые появились из земли вместе с солнцем, а

вечером вновь в нее уходили, оставляя "овощ роскошный". Александр приказывает "единому рицерови своему" подняться наверх и нарвать листьев. Однако рыцарь был сброшен с дерева злым духом и разбился до смерти, а неведомый голос пригрозил, что так будет со всяким.

Далее следуют вывод и аналогии: Александр был счастлив, найдя деревья, которые каждый день давали пищу его войску, и в то же время несчастлив из-за гибели воина. Владимир же, покорив царство греческое, обрел, как некое чудесное дерево, веру христианскую. Но если рыцарь утратил жизнь, то Владимир обрел ее. Аналогия, как видим, достаточно отдаленная, однако рассказ в силу своей занимательности был способен привлечь внимание слушателя, что являлось немаловажной задачей проповедника[11].

"Слово в день святаго равноапостолнаго князя Владимира" из книги Симеона Полоцкого "Вечеря душевная" основано на смене образов тьмы и света, которые должны символизировать победу христианства над язычеством. "Заря православия", говорится здесь, не раз занималась в "российских странах", но прежним "светилам" не удалось ни разогнать "мрачного неверия нощи", ни истребить "кумиров проклятых", подобных "вранам нощным". Сделал это только князь Владимир, который "возсия яко солнце на Российском оризонте".

Симеон Полоцкий не ограничивается задачами только церковного панегирика. Он переходит к панегирику в честь царя Алексея Михайловича. Пусть последнему дано при рождении другое имя, "но самым делом Владимир еси, ибо владееши миром от бога тебе врученным", пусть его не нарекли Василием при крещении, "но во святом твоем венчании сие имя самым делом стяжал еси, занеже Василий не что иное знаменует, точно царь; ты же царского венца на честную ти главу возложением царь сотворися, или Василиос" и т.д.[12]

"Слово в день святаго равноапостольнаго князя Владимира", написанное 22-летним Феофаном Прокоповичем, начинается с темы, предпосланной тексту, с той "назидательной нити", вокруг которой по правилам барочного красноречия плетется вся сеть. В данном случае это слова из Псалтыри "сынове Сиона (т.е. церкви — А.Е.) возрадуются о царе своем". Эта мысль последовательно развивается во всех частях произведения, очень стройного, с плавными переходами от одной части к другой.

"Слово" подчеркнуто ориентировано на аудиторию, которую проповедник стремится захватить и увлечь. Он включает присутствующих в непосредственный разговор, например, предлагает поразмыслить, какая из побед Владимира самая главная, и позже приводит их к выводу, что таковой является победа князя над самим собой.

Постоянны обращения к Владимиру: то от лица оратора, то от лица слушателей, то от лица персонажей проповеди. Напри-

мер, сомнения Владимира изображены в виде укоров ему беса гордости: "От кого вере учитися имаше Владимире? От христиан ли, иже имени твоего ужасаются, и множицею тобою побеждены? Победители дают закон побежденным, ты же хощеши прияти от побежденных?.. Посмеются тебе велможи твои"[13]. Примечательна здесь перекличка с школьной драмой того времени: "бес гордости" выступает в роли аллегорического персонажа, что характерно именно для этого жанра.

Владимир рисуется в "слове" преимущественно как святой, наделенный, по определению Феофана Прокоповича, "радостными добродетелями". В соответствии с этим, пиры Владимира трактуются как страннолриимство, а отказ от многоженства при выборе веры как победа над дьяволом: "Колико жен отвергли от себя Владимир святый, толико стрел диаволских сломил" (с. 343). Тем не менее личность святого дает основание обратится к современности, что и делает проповедник в форме риторического вопроса: "Кто уже изрещи может, како Россия, от святаго Владимира просвещенная, процвела в добродетели, какими чудесами прославилась?" (с. 347).

Сюжет о крещении Руси становится достоянием не только высоких жанров, а включается и в процесс демократизации литературы, о чем свидетельствует, в частности, появление нового жития князя Владимира, созданного в XVII в. украинским писателем, но известного и в России[14]. Житие отличается беллетристическим характером, занимательностью изложения. В нем выделены эпизоды, рисующие Владимира как человека. Это касается и темы выбора веры. В отличие от упомянутых произведений, внимание заострено здесь на житейских мотивах, известных из начальной летописи, но опускавшихся обычно полемистами и проповедниками. Например, знакомясь с "верой маховетовой" (мусульманством), "Владимир слухал охотне о женах, бо бел женолюбец великий, але... непитие вина ему не подобало".

Как юмористическая сценка построен рассказ о свержении Перуна. Сидевший в нем бес "почал жалосне великим голосом кричати — беда, беда мне, ижем впал в руки немилостивых людей, котории меня недавно як бога чтили".

Рассказ о древних языческих богах дополнен сведениями о современных автору обрядах и поэтому был интересен читателям XVII в. Например, и теперь, как отмечал автор, верят в Ладо, "бога веселия, утехи и вшелякаго доброго поваженья". "Того Лада,— поясняет он,— по некоторых странах и до сего дня на веселиях, руками плещучи, або об стол бьючи; Ладо, Ладо, спевают, и в вщеляких песнях часто его вспоминают". Это также Купала, в ночь которого "младенцы" и "панны" плетут себе венки, зажигают костер, "берутся за руки и около огня оного скачут, спеваючи песни, в которых часто споминают Купала. А потом през оный огнь прескакуют"[15].

Следует отметить, что одним из источников нового Жития Владимира была "Хроника" польского писателя XVI в. Мацея Стрыйковского, пользовавшаяся большим почетом у украинских историографов, в частности,— Иннокентия Гизеля, использовавшего ее в "Синопсисе". Однако своей занимательностью "Хроника" импонировала и простому читателю. Как отмечал И.Н.Голенищев-Кутузов, "для читателей Литвы и Москвы хроники Бельского и Стрыйковского мало чем отличались от повествования о Трое... в переработке Гвидо де Колумна или от "Романа об Александре". Они, в сущности, не ошибались. Подлинные события и вымысел столь тесно сплетались у этих польских историков, что было бы делом нелегким отличить басни от исторического повествования. Быть может, в том и заключалась особая прелесть упомянутых хроник, особенно Стрыйковского"[16].

"Хроника" Стрыйковского и сама доступна для украинских и русских читателей, поскольку она четыре раза переводилась на русский язык (1668, 1673, 1682, 1688)[17]. "Сказание о крещении Руси", основанное на русских летописях, к которым обращался Стрыйковский, перешло в Россию в польской версии, впитав в себя черты иного быта и церковного обихода. Например, деталями, не известными русским источникам, насыщен рассказ о крещении киевлян: "И священники и диаконы, одевшись в ризы, стали на лавках, приготовленных для этого на Днепре-реке, а люди группами входили в реку: одни — по пояс, другие — по шею. И священники, давая каждой группе особое имя — Тимофей, Василий, Петр, Симеон,— поливали их водой и читали положенные молитвы, крестили всех мужчин во имя отца и сына и святого духа"[18]. В рассказе, как видим, отразились черты католического обряда: священник не погружает в купель принимающих крещение, а обливает их сверху водой. Данный пример служит конкретным подтверждением интереса к западной культуре русского общества конца XVII в.

Сюжет о крещении Руси не прекращает своего литературного существования и в XVIII в., став достоянием новых жанров. Подтверждением этому могут служить "Владимир" Феофана Прокоповича и сатиры Антиоха Кантемира. Трагедокомедией Феофана Прокоповича "Владимир" (1705) история о принятии христианства была впервые вынесена на театральные подмостки и разыграна в лицах. Также впервые герои этого события заговорили стихами.

Источником "Владимира", был, по мнению Н.К.Гудзия, прежде всего "Синопсис" Иннокентия Гизеля[19]. Вместе с тем, как справедливо отмечает Л.А.Софронова, выявить какой-то один источник вряд ли возможно, поскольку Прокопович мог знать многие из них — и русские, и зарубежные, в том числе,— в устной передаче[20]. К тому же подробности и точность исторических деталей не имели значения для писателя, стремившегося изобразить "общие действия людей".

Обратившись к отечественной истории как к предмету сценического изображения и опередив этим на десятилетия других восточно-славянских драматургов, писавших преимущественно на библейские сюжеты, Прокопович в подходе к историческому материалу исходил из права писателя на "вымысел или воспроизведение". Различие между поэтом и историком он видел в том, что "историк рассказывает о действительном событии, как оно произошло; у поэта же... повествование вымышлено". Даже при описании "истинного события" поэт вправе передать его "не так, как оно происходило в действительности, но так, как оно могло или должно было произойти" (курс "О поэтическом искусстве")[21].

Вместе с тем вымысел, как считал Прокопович, отнюдь не произволен, он должен согласовываться с правилами, на основе которых существуют литературные жанры. В частности, для трагедокомедии, к которой, по авторскому определению, относится "Владимир", характерно смешение "остроумного и смешного с серьезным и грустным", а также — "ничтожных действующих лиц" с "выдающимися" (с.432). В своих теоретических взглядах Феофан Прокопович опирался на западную традицию. В качестве своего образца называет Аристотеля (как тот представлялся в европейской традиции) (с.402). Кроме того, курс "О поэтическом искусстве" находился в прямой зависимости от руководства иезуита Понтана "Institutiones Poetical", откуда, в частности, Феофан Прокопович воспринял учение о единстве действия, места и времени[22].

Эти литературные принципы определили в значительной степени интерпретацию сюжета о крещении Руси. Так, Прокопович следует во "Владимире" положению о недопустимости изображать на сцене "целую жизнь какого-нибудь человека", можно показать лишь "одно действие", совершившееся в течение "двух или по крайней мере трех дней" (с. 435). И действительно, в пьесе нет "целой жизни" Владимира. Опущены предшествующие эпизоды, связанные и с самим крещением: испытание вер, совещания со "старцами градскими", взятие Корсуни и т.д.[23]. Тем не менее автор делает оговорку о праве писателя включать в случае необходимости сведения о прошлом его героя в рассказы других действующих лиц (с.435).

Этот прием находит практическое применение в структуре трагедокомедии. Так, из монолога Тени князя Ярополка (кровного брата Владимира) зритель узнает о братоубийственной войне до завоевания власти Владимиром: "Егда бо праг преступих, отсюду и сюду / На мечы мя подъяша"(с.159). Рассказ одного из персонажей воссоздает торжественную церемонию, которая якобы предшествовала крещению Владимира:

Но кто есть исповести
Предивный позор может! Никогда толика
торжества аз не видех. Два полка велика

Идяху стройно, в едином славенноросийский,
в другом бяше избранный народ византийский...
На всех воех златий
Цвет в одеждах ткан бяше; броня же толикий
свет испущаху, яко зрящым и страх некий
И радость родяшеся...
Храм низу и горе
Весь иконы украшен; посреде стояше
сосуд сребрян великий, яко в нем можаше
Един погрузитися человек[24].

Если пользоваться терминологией Феофана Прокоповича, то перед нами здесь тот пример "вопроизведения" истории (с.402), когда картина вымышлена, но в то же время она не противоречит характеру эпохи. Например, писатель уместно включил в текст эпитеты, передающие блеск оружия и золотого воинского убранства, что было характерно для древнерусской поэтики.

Поскольку "священные таинства нашей веры... не подобает выставлять на сцене из-за возвышенного величия"(с.435), в трагедокомедии "Владимир" нет изображения и самого акта крещения киевлян. В то же время писатель включает в развитие действия вымышленные эпизоды, долженствующие подчеркнуть противоборство князя-просветителя и языческих сил. К их числу относится, например, полный юмора диалог между Владимиром и Жериволом о свергаемых кумирах, которые, по словам последнего, "ясти требуют".

В пьесе действуют и вымышленные персонажи: языческие жрецы (Жеривол, Куроряд, Пеяр), воины (Храбрий, Мечислав), аллегорические персонажи (Бес хулы, Бес тела, Бес мира), потусторонние силы (Тень Ярополка) и т.д. Их явление на сцене — дань литературной моде, формировавшейся под эгидой барокко.

Значительный элемент вымысла содержат характеристики и исторических деятелей. Например, князю Владимиру приданы черты абсолютного монарха конца XVII — начала XVIII в., который владеет "един... всем народом" и равен основателю Византийской империи Константину, впервые утвердившему христианство как государственную религию. В заглавии трагедокомедии Владимир поименован "всех славеноросийских стран князем и повелителем". По представлениям Прокоповича, Владимир монарх просвещенный, мудрый воспитатель подданных, в уста которого вложено популярное в то время сравнение детской натуры с воском: "З воску имут дети // сердце, скоро их на вся преклониш советы" (с.188). Феофан Прокопович как бы следует здесь принципу: "Поэт не пишет, что именно он (исторический герой — А.Е.) совершил, но что могло или должно быть им совершено" ("О поэтическом искусстве", с. 406).

Вместе с тем Владимир изображен в какой-то мере и "человеком барокко". Это герой сомневающийся, размышляющий,

старающийся постичь существо нового учения и в то же время находящийся во власти прежних представлений. Так, он задается вопросом, не будет ли принятие греческой веры умалением его роли как победителя греков (взятие Херсонесса), не подумают ли, что он испугался предстоящей войны с последними и поэтому принял решение о принятии христианства и т.д.

Как видим, история о крещении Руси предстает в произведении Феофана не только в публицистическом обличье, как было раньше, но является и литературно-художественным опытом, что стало принципиально новым этапом в трактовке древнерусского сюжета.

Тем не менее писатель отнюдь не чуждался традиционных публицистических задач. Важнейшее событие исторического прошлого недвусмысленно соотносится им с реформами начала XVIII в. Используя древнерусский сюжет, писатель стремится убедить читателей в справедливости борьбы царя Петра I с его противниками: ведь "цель поэта... учить людей, какими они должны быть при том или ином положении в жизни" ("О поэтическом искусстве", с. 407).

Если Феофан Прокопович сопоставлял прошлое с настоящим, то Антиох Кантемир противопоставлял их. Опиравшийся на многочисленные источники (прежде всего античные, а также — европейские), он не чуждался и традиции отеческой, был знаком, в частности, с "летописцами" и "Синопсисом" Иннокентия Гизеля. Эпоха, "когда Русь греки крестить стали", упоминаемая в ряде сатир Кантемира и его комментариях к ним, дала поэту возможность оценить современников в свете деяний далеких предков и прийти к выводу о превосходстве вторых над первыми.

Например, образ Владимира в "Сатире VI" помогал обличать чванство придворных выскочек, каждый из которых ждет признания, что он "родом // Моложе Владимира одним только годом. // Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой..."[25] Ссылка на "царство Ольги" влечет за собой выпад против "дворян злонравных" и дает возможность развить идею о достоинстве "новых людей":

Правда, в царство Ольгино предков их не знали,
Думным и наместником деды не бывали,
И дворянства старостью считаться с тобою
Им нельзя; да что с того? Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
("Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений". С. 77).

Примечания во II-й и VI-й сатирам содержат дополнительные сведения о начале христианизации Руси. Своим источником Кантемир называет "Синопсис", однако, материал из этой

книги заимствует с большой долей приблизительности. Например, стих 366 из II-й сатиры ("...когда Русь греки крестить стали") комментируется следующим образом: "Российский народ в христианскую веру стал приходить в царство Ольгино, лета Христова 855"(с.88). Здесь допущена хронологическая ошибка, поскольку первым годом правления княгини Ольги был 945 г. К тому же христианизация народа (а Кантемир пишет именно о народе, а не об отдельных лицах) происходила при Владимире (внуке Ольги). В другом примечании к той же сатире начало правления Ольги ошибочно отнесено к 950-му году.

Можно предположить, что писатель, составлявший комментарии к сатирам за границей, приводил хронологические данные по памяти. Это подтверждается и несовпадением отмеченных им страниц со страницами "Синопсиса". Например, сведения о начале княжения Владимира находятся не на с. 54, как писал Кантемир, а на с. 38, притом во всех изданиях названного исторического труда.

Явная ошибка обнаруживается в примечании о княгине Ольге ("Сатира II"), характеристику которой приводит Кантемир якобы из "Синопсиса". Однако данной характеристики нет ни на с. 37, указанной комментатором, ни в названной книге вообще.

Эта характеристика Ольги, явно составленная самим Кантемиром, тем более интересна, поскольку свидетельствует о глубоком уважении писателя к правителям Киевской Руси, а также понимании им исторической роли события 988 г.: "Ольга, жена Игоря, сына Рюрикова, перваго российскаго самодержца, так христианской веры насадительница, как и распространительница сил и славы сего империя, от святаго Владимира ея внука в святыя вписана и почитается под именем Елены, которое приняла в крещении" (с. 78). Здесь сконцентрированы, с одной стороны, оценки, даваемые Ольге "летописцами", с другой же, звучат популярные в XVIII в. идеи о сильной Российской империи.

Исторические "вольности" Кантемира проистекают, на наш взгляд, также из того, что эпоха крещения Руси относится почти к тем легендарным временам, когда "Адам дворян не родил, но одно с двух чадо // Его сад копал, другой пас блеюще стадо" ("Сатира II", с.77). Преимущественно поэтический, а не исторический подход к событиям далекого прошлого отразился, в частности, на трактовке образа Перуна, к которому автор многократно обращался.

Подробное описание статуи главного языческого бога Руси и обстоятельств ее низвержения в Киеве и в Новгороде содержатся в "Синопсисе". Однако поэт не заостряет своего внимания на известных ему из этой книги исторических описаниях. Для него Перун — прежде всего поэтическая метафора, основанная на

функции бога-громовержца. Например, образ Перуна как символа грозной стихии включен в изображение природы:

Тот, черный облак жарким разделяя
Перуном, громко гремя, устрашает
Землю и воды...

("Песнь I. Противу безбожных", с. 196).

Или:

О прочем помысл отцу всемогущу
Оставь, который с облак устремляет
Перуны грозы и бурю.

("Песнь II. О надежде на бога". с. 197).

Образ Перуна включается и в характеристики некоторых персонажей, например, подчеркивает умение полководца принимать молниеносные решения:

Не спешит дело начать; начав производит
Смело и скоро — не столь бегло Перун отходит

("Сатира II", с. 73).

Упоминая Перуна ("не подлого... в Еликоне чину") в оде Елизавете Петровне, Кантемир отводит ему немаловажную роль в создании комплиментарной характеристики императрицы. Славянский бог прославляет ее имя, "с Севера исхождая // Светло и страшно земли до другого края"[27].

Перун в изображении Кантемира — это также скипетр или оружие. Например, прославляя императрицу Анну Ивановну, автор выражает уверенность, что внешние враги "снесть не сильны... из рук ее перун" ("Сатира VIII. На бесстыдную нахальчивость", с. 176). Примечательно написание имени Перуна здесь с маленькой буквы. Тот же принцип в картине боя из "Петриды":

...перун грозно смелый,
С одного исшед края, все мира пределы
Внезапно светом, звуком, страхом наполняет.

(с. 244).

Так давняя история о крещении Руси обогащала на протяжении веков своими образами и мотивами русскую литературу.

---

1 Сухомлинов М.И. О древнерусской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856. С. 119.

2 Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 43.

3 Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.). СПб., 1906. С. 243.

4 Перетц В.Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI-XVIII вв. М.-Л., 1962. С. 32.

5 Сказание Авраамия Палицына. /Подготовка текста и комментарии О.А.Державиной и Е.В.Колосовой / Под ред. Л.В.Черепнина. М.—Л., 1955. С. 115, 120.

6 Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // РИБ. Т.XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909. Стлб. 525.

7 Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1878. Т.IV. Стлб. 162, 225-226.

8 Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1882. Т. VII. Стлб. 385-386.

9 Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1878. Т.IV. Стлб. 969-980.

10 Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Л. 321 об.

11 Антоний Радивиловский. Огородок Марии Богородицы. Киев, 1676. С. 245.

12 Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М., 1681. Л. 399-401 об.

13 Феофан Прокопович. Слова и речи поучителныя, похвалныя и поздравителныя. СПб., 1765. Ч.III. С. 340; Далее ссылки на стр. приводятся в скобках в тексте.

14 Соболевский А. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Св. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. 2. Отд. 2. Киев, 1888. С. 12; Перетц В.Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI-XVIII вв. /Отв. ред. Д.С.Лихачев. М.-Л., 1962. С. 37.

15 Текст приводится по изданию В.Н.Перетца в Материалах и исследованиях (См. сноску 14). С. 83-87.

16 Голенищев-Кутузов И.Н. Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). // V международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 68.

17 История польской литературы. Т. 1. М., 1968. С. 29.

18 Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 63.

19 История русской литературы. М.-Л., 1941. Т. III. Ч. 1. С. 168.

20 Софронова Л.А. Трагедокомедия Феофана Прокоповича "Владимир" // Русская литература. 1988. № 3. С. 150.

21 Феофан Прокопович. Сочинения. / Под ред. И.П. Еремина. М.-Л., 1961. С. 402: далее ссылки на стр. трактата "О поэтическом искусстве" приводятся в скобках в тексте.

22 История русской литературы. М.-Л., 1941. Т. III. Ч. 1. С. 167.

23 Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия XVII-XVIII вв. М., 1988. С. 42.

24 Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.-Л., 1961. С. 200.

25 Кантемир Антиох. Собрание стихотворений // Библиотека поэта. Большая серия. Второе изд. Л., 1956. С. 148; далее ссылки на стр. приводятся в скобках в тексте.

26 Синопсис. Киев, 1680. С. 38.

27 Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. 1. Сатиры, мелкие стихотворения и переводы в стихах. СПб., 1867. С. 5.